

Ирина Явчуновская

С миру по нитке

Поэтические переводы

Ирина Явчуновская

**С миру по нитке.
Поэтические переводы**

«Э.РА»

2016

УДК 82.1
ББК 26

Явчуновская И.

С миру по нитке. Поэтические переводы /
И. Явчуновская — «Э.РА», 2016

Ирина Явчуновская – автор сборников стихов и переводов «Пёстрый мир», «Нити», «Брожу по комнатам зеркальным», сборника стихов «Танец мотыльков», иллюстрированных детских книг «Мир вверх тормашками», «Сказки Матушки Гусыни», «Песня времён года», перевела на английский и иврит книгу стихов Аллы Айзеншарф «Голос из бездны», на английский сборник новелл Михаила Ландбурга «Красное солнце, синее дерево и жёлтые апельсины» и его роман «Посланники». Член Союза русскоязычных писателей Израиля и Международного Союза писателей и журналистов АРІА (Лондон).

УДК 82.1
ББК 26

© Явчуновская И., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

Смелость виртуозного пера	7
Мои переводы	8
В глубь веков	9
Английская и американская поэзия	9
Steven Schwartz	10
River Lullaby	10
Стивен Шварц	12
Колыбельная реки	12
Bob Dylan	13
Blowin' In The Wind	13
Боб Дилан	15
Ветер уносит ответ	15
Bob Dylan and Jacques Levy	17
Black Diamond Bay	17
Боб Дилан и Джекус Леви	20
Бухта Чёрный Алмаз	20
W.H. Auden	23
As I Walked Out One Evening	23
Уистан Хью Оден	26
Я однажды бродил под вечер	26
Edgar Yip Harburg	28
Irreverent Heart	28
Эдгар Йип Харбург	30
Непочтительное Сердце	30
Atheist	31
Атеист	31
Courtship in Greenwich Village	31
Ухаживание в Гринвич Виллидж	31
Adverbs	31
Наречия	32
Over the Rainbow	32
Над Радугой	33
Robert Frost	35
Stopping by Woods on a Snowy Evening	36
Роберт Фрост	37
Остановка в лесу снежным вечером	37
Fire and Ice	37
Огонь и лёд	38
The Aim was Song	38
Главное – песня...	38
«Lovers, forget your love...»	39
«Сердечных дел урок...»	40
Sarah Teasdale	41
Fantasy	41
Сара Тисдейл	43
Фантазия	43

«I am not yours, not lost in you...»	43
«Я не твоя, не растворюсь...»	44
Oh Day of Fire and Sun	44
День огненного светила	44
The Tree of Song	45
Древо Песен	45
I Shall Not Care	46
Мне будет всё равно	46
«There will come soft rains and the smell of the ground...»	46
«И прольются дожди, и запахнет земля...»	47
Eleanor Farjeon	48
Pegasus	48
Элинор Фарджион	50
Пегас	50
The Night Will Never Stay	51
Ночь не останется навсегда	51
There Isn't Time	51
Нет времени	52
William Butler Yeats	53
The Host of the Air	53
Вильям Батлер Йейтс	55
Дух воздуха	55
Rudyard Kipling	57
The Gipsy Trail	57
Редьярд Киплинг	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ирина Явчуновская

С миру по нитке. Поэтические переводы

В иллюстрациях использованы рисунки Джона Тенниела, Валерия Алфеевского и Теодора Гейзеля

Смелость виртуозного пера

Полистав книгу переводов «С миру по нитке», еще не прочтя ни одного стихотворения из нее, я воскликнул про себя: «Вот это да!». И с особым уважением посмотрел на ее автора – улыбчивую, скромную Ирину Явчуновскую. Переводы с иврита и на иврит, с английского и на английский! А какие имена! Шекспир! Джордж Байрон! Люис Кэрролл! Эдгар Аллан По! Редьярд Киплинг, Пушкин, Лермонтов, Есенин, Окуджава. И израильские классики – Александр Пэнн, Натан Альтерман, Лея Гольдберг...

Какая смелость, какая дерзость – даже хочется воскликнуть.

И какое глубокое знание, понимание, чувство языков.

И впечатляющая география – Англия и Америка, Россия и Израиль.

Легендарные имена, знаменитые стихи. Теперь, когда у меня есть эта книга, я смогу погрузиться в особый мир мировой стихотворной классики, собранной под одной обложкой.

В дополнение к чувству уважения в голову приходят и другие эпитеты – виртуозное, изящное перо.

Вот пушкинские строки на английском:

I loved you, though, I think, it was in vain.
Perhaps, that love still lives deep in my soul.
But I won't ever bother you again,
I won't bring any nuisance at all.

Вы ведь уже узнали, что это – «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Читаешь и думаешь: как это, оказывается, легко и просто ложится на английский! Но только тот, кто сам изгрыз немало ногтей, подбирая рифму и звуки, изводя «единого слова ради тысячи тонн словесной руды», знает, что за этим стоит. Я сам переводчик с многолетним стажем, кому как не мне оценить, какой это каторжнотяжкий, но одновременно – и увлекательно-творческий труд.

Вам интересно, как на английском зазвучит: «Моцарт на старенькой скрипке играет» или «Виноградная косточка»?

Эта книга для вас.

Смелость Ирины проявляется еще вот в чем: она рядом со своим переводом помещает и оригинал – чтобы мы смогли сравнить, сверить, оценить.

Особо понравилось, что публикации снабжены краткими историческими справками о поэтах, об избранных для перевода стихах.

Дойдя до песни Наоми Шемер «Золотой Иерусалим», я не выдержал и просто стал петь на знакомый мотив – торжественно, степенно:

Пьянит прозрачный воздух горный
И сосен аромат,
Под звон колоколов на город
Спускается закат...

И в заключение: я весьма рекомендовал бы Ирину Явчуновскую нашим композиторам и исполнителям, ищущим «качественные» тексты для своих мелодий. Они вне сомнения найдут в этой книге немало стихов, которые порадуют их будущих слушателей.

Юрий Моор-Мурадов,

Председатель Союза русскоязычных писателей Израиля

Мои переводы

Что значит заниматься литературой? И все ли делают это одинаково? Конечно же, нет! Книголюбы стремятся прочитать как можно больше книг и таким образом познакомиться с различными жанрами и произведениями множества поэтов и писателей. Кому-то нравится исследовать творчество разных авторов, кто-то пишет критические статьи, кто-то литературные пародии.

У меня, для того, чтобы хорошо проникнуть в замысел и суть иного произведения (особенно поэтического), часто появляется желание перевести его на другой язык. Это и попытка донести до читателей, не владеющих этим языком в достаточной степени, мысли и чувства автора, живущего или жившего в другой среде, другой реальности. Это и своеобразный вызов самой себе – смогу ли я сделать так, чтобы читатель не остался равнодушным?

Тогда возникает вопрос: как правильно подойти к литературному переводу? Как не сделать оригинальное произведение вторичным, выхолостив его изюминку, душу? А можно ли вселить в него новую собственную душу, не исказив его первоначальную суть? Об этом спорят теоретики и практики перевода. Существуют различные подходы и школы: одни считают, что нужно стремиться детально воссоздать оригинальный текст, другие полагают, что это не обязательно, можно импровизировать.

Знаменитый англо-американский поэт Уистан Хью Оден так высказывался о переводах собственной и чужой поэзии: «В отличие от музыки, поэзия – это не только чистый звук. Каждый элемент стихотворения, не основанный на словесном мастерстве, можно перевести: и образы, и сравнения, и метафоры, – то, что обусловлено чувственным опытом».

Мне работа переводчика всегда представлялась чем-то сходной с работой актёра:

У актёра есть роли разные.
Он на сцене в чужой сорочке, —
Я корплю над чужими фразами,
Чьи-то мысли вплетаю в строчки.

В глубь веков

Английская и американская поэзия

'Tis to create, and in creating live
A being more intense, that we endow
With form our fancy, gaining as we give
The life we image.

George Gordon Byron

Твори! Живи в своем творении,
И фантастичным станет путь.
Мечта стремится к воплощению,
Ведь в ней реальной жизни суть.

Джордж Гордон Байрон

Steven Schwartz

born in 1948

River Lullaby

Hush now, my baby; be still love, don't cry.
Sleep as you're rocked by the stream,
Sleep and remember, my last lullaby
So I'll be with you when you dream.

River, oh river, flow gently for me,
Such precious cargo you bear.
Do you know somewhere he can be free?
River, deliver him there.

Drift on a river that flows through my arms,
Drift as I'm singing to you.
I see you smiling so peaceful and calm,
And holding you I'm smiling too.

Here in my arms safe from all harm
Holding you I'm smiling too.

Hush now, my baby, be still love, don't cry.
Sleep like you're rocked by the stream,
Sleep and remember this river lullaby,

And I'll be with you when you dream.

Стивен Шварц

родился 6 марта 1948 года

Песня «Колыбельная реки» была написана к кинофильму «Принц Египта», который вышел на экраны в 1998 году, – это знаменитая анимационная музыкальная драма по Книге Исхода. В ней ведётся повествование о жизни Моисея со дня его рождения и до того момента, когда он, пророк Моисей, вывел народ Израиля из Египта. Песни к кинофильму написаны Стивеном Шварцем, известным американским поэтом и композитором. Стивен Шварц писал тексты песен и музыку ко множеству театральных постановок, он автор мюзиклов «Годспелл», «Пиппин», «Магическое шоу», «Жена пекаря» и других, обладатель множества международных премий, призов и наград.

«Во время работы над песнями к кинофильму „Принц Египта“ я использовал еврейские народные мелодии и Египетскую королевскую музыку, записи которой сделал в Каире во время своей поездки в Египет», вспоминал Стивен Шварц.

Колыбельная реки

Тише, малютка, не плачь, не скучай.
Люльку колышет река.
Песню запомни мою, люли-бай,
Спи, а во сне я близка.

Вейся ты, вейся, о, речка-река!
Груз драгоценный качай.
Где будет вольным, на те берега
Перенеси на причал.

Льётся река через пальцы мои,
Держит корзинку рука, —
Зло отведёт.
Ты беду не таи, —
Нежной будь, гладкой, река.

Вижу, малыш, улыбаешься мне,
Но... затеряется след...
Мирно плыви, будь спокоен во сне,
Я улыбаюсь в ответ.

Тише, мой мальчик, люби, не скучай.
Вот колыбель на волне.
Песню реки вспоминай, люли-бай.
Я же с тобою во сне.
Буду с тобой в твоём сне.

Bob Dylan

born 1941

Blowin' In The Wind

How many roads must a man walk down
Before you call him a man?
How many seas must a white dove sail
Before she sleeps in the sand?
Yes, how many times must the cannon balls fly
Before they're forever banned?
The answer my friend is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind.

Yes, how many years can a mountain exist
Before it's washed to the sea?
Yes, how many years can some people exist
Before they're allowed to be free?
Yes, how many times can a man turn his head
Pretending he just doesn't see?
The answer my friend is blowin' in the wind
The answer is blowin' in the wind.

Yes, how many times must a man look up
Before he can really see the sky?
Yes, how many ears must one man have
Before he can hear people cry?
Yes, how many deaths will it take till he knows
That too many people have died?
The answer my friend is blowin' in the wind

The answer is blowin' in the wind.

Боб Дилан

родился в 1941 году

24 мая 2016 года исполнилось 75 лет со дня рождения культового американского поэта, композитора, исполнителя и художника Боба Дилана.

Боб вырос в еврейской семье из Миннесоты, родители отца были родом из Одессы, родители матери – из Литвы.

Школьником Боб начал играть на гитаре и губной гармошке и писать стихи. Окончив университет Миннесоты, он переехал в Нью-Йорк. На сегодняшний день Боб Дилан выпустил тридцать семь альбомов. Он был удостоен одиннадцати премий «Грэмми», Пулитцеровской премии, кинопремий «Оскар» и «Золотой Глобус», а также многих других наград.

Ветер уносит ответ

Какой человек одолеть должен путь,
Чтоб звали его Человек?
Как долго голубке лететь, чтоб уснуть
У дальних морей или рек?
И скольким снарядам еще просвистеть,
Чтоб не было пушек вовек?
А ветер, мой друг, уносит ответ,
А ветер уносит ответ.

И сколько веков горы будут стоять,
Пока их не сточит волной?
И сколько веков человек будет ждать
Свободы под светлой луной?
И сколько ещё будем прятать глаза,
Не видя, что рядом гроза?
А ветер, мой друг, уносит ответ,
А ветер уносит ответ.

И сколько же раз нужно ввысь поглядеть,
Чтоб виделась синяя даль?
И сколько ушей человеку иметь,
Чтоб слышал, как стонет печаль?
И сколько смертей предстоит пережить,
Чтоб жизнью начать дорожить?
Но ветер, мой друг, уносит ответ,
Но ветер уносит ответ.

«Об истории создания этой песни я могу рассказать немного. Важно лишь то, что ответ, действительно, – „в дуновении ветра“. Этот ответ нельзя найти ни в одной книге, фильме, телевизионном шоу или услышать на семинаре. Поймите, что ответ – всего лишь ветер – и живёт он в дуновении ветра. Многие знающие люди пытаются убедить меня, что ответ на мой вопрос существует, но я отказываюсь верить в это. Я по-прежнему утверждаю,

что ответ знает только ветер. Наша главная проблема в том, что мы не предпринимаем попыток найти этот ответ, и даже, когда нам кажется, что мы совсем близки к нему... этот ответ снова улетает, подобно дуновению ветра. Я считаю, что самые ужасные преступники – это те, кто поворачивается спиной, увидев, что вокруг происходят неправильные вещи.»

Боб Дилан

Bob Dylan and Jacques Levy

Black Diamond Bay

Up on the white veranda
She wears a necktie and a Panama hat.
Her passport shows a face
From another time and place
She looks nothin' like that.
And all the remnants of her recent past
Are scattered in the wild wind.
She walks across the marble floor
Where a voice from the gambling room is callin' her to come on in.
She smiles, walks the other way
As the last ship sails and the moon fades away
From Black Diamond Bay.

As the morning light breaks open the Greek comes down
And he asks for a rope and a pen that will write
“Pardon, monsieur” the desk clerk says
Carefully removes his fez
“Am I hearing you right?”
And as the yellow fog is lifting
The Greek is quickly heading for the second floor
She passes him on the spiral staircase
Thinking he's the Soviet Ambassador
She starts to speak, but he walks away
As the storm clouds rise and the palm branches sway
On Black Diamond Bay.

A soldier sits beneath the fan
Doing business with a tiny man who sells him a ring
Lightning strikes, the lights blow out
The desk clerk wakes and begins to shout
“Can you see anything?”
Then the Greek appears on the second floor
In his bare feet with a rope around his neck
While the loser in the gambling room lights up a candle
Says “Open up another deck”
But the dealer say “Attendez-vous, s'il vous plait”
As the rain beats down and the cranes fly away
From Black Diamond Bay.

The desk clerk heard the woman laugh
As he looked around the aftermath and the soldier got tough
He tried to grab the woman's hand

Said, "Here's a ring it cost a grand"
She said, "That ain't enough"
Then she ran upstairs to pack her bags
While a horse-drawn taxi waited at the curb
She passed the door that the Greek had locked
Where a handwritten sign read, "Do not disturb"
She knocked upon it anyway
As the sun went down and the music did play
On Black Diamond Bay.

"I've got to talk to someone quick!"
But the Greek said, "Go away" and kicked the chair to the floor
He hung there from the chandelier
She cried, "Help there's danger near
Please open up the door"
Then the volcano erupted
And the lava flowed down from the mountain high above
The soldier and the tiny man were crouched in the corner
Thinking of forbidden love
But the desk clerk said "It happens every day"

As the stars fell down and the fields burned away
On Black Diamond Bay.
As the island slowly sank
The loser finally broke the bank in the gambling room
The dealer said "It's too late now
You can take you money, but I don't know how
You'll spend it in the tomb"
The tiny man bit the soldier's ear
As the floor caved in and the boiler in the basement blew
While she's out on the balcony where a stranger tells her
"My darling je vous aime beaucoup"
She sheds a tear and then begins to pray
As the fire burns on and the smoke drifts away
From Black Diamond Bay.

I was sitting home alone one night in LA
Watching old Cronkite on the seven o'clock news
It seems there was an earthquake that
Left nothing but a Panama hat
And a pair of old Greek shoes
Didn't seem like much was happening
So I turned it off and went to grab another beer
Seems like every time you turn around
There's another hard-luck story that you're gonna hear
And there's really nothing anyone can say
And I never did plan to go anyway
To Black Diamond Bay.

Боб Дилан и Джекус Леви

Скорее всего «Бухта Чёрный Алмаз» – это гримасы жизни: грек повесился, несмотря на то, что в любую минуту могут погибнуть сразу все. Неудачнику перед гибелью, наконец, повезло в казино, солдат договорился о запретной любви с коротышкой, женщина, в конце концов, встретила своего суженного, но, увы, слишком поздно. А в итоге совсем посторонний человек в далёком Лос-Анджелесе узнает что-то о них из программы новостей и выключает телевизор. Для него всё это не имеет никакого значения.

Бухта Чёрный Алмаз

Там, на белой веранде,
На ней галстук и яркий берет.
На паспорте фото – анфас,
Снято где-то не здесь, не сейчас,
Теперь она вовсе не та,
И осколки ее прошлых лет
Разбросали по свету ветра.
Чей-то голос из казино ее окликает давно.
И она, улыбнувшись, идет не на зов.
А в этот вечерний час
Последняя шхуна от берегов отплыла, и погасла луна
В бухте Черный Алмаз.
Просочился свет из прорех,
По ступеням спускается грек.
Он просит веревку и ручку, спешит.
– Pardon, monsieur, – портье говорит,
Сбросив феску, глядит на свет,
– Я не ослышался? Нет?
Поднимается желтый туман,
В небе мечется страх и обман.
По лестнице винтовой грек спешно прошел.
Она столкнулась нечаянно с ним,
Подумав, что он Советский посол.
Она хотела начать разговор, но он удалился прочь,
Грозовые тучи, качание пальм, и день
превращается в ночь,
Как это бывало не раз в бухте Черный Алмаз.
Под феном сидит солдат, торгуется с коротышкой,
пытаясь купить кольцо.
Молния. Гаснет свет. Дождь заливает крыльцо.
Портье, просыпаясь, кричит: – Вы видите что-нибудь?
Грек выходит на лестницу – странный вид.
На шее веревка, босой. Бушуют ветер с грозой.
Неудачник зажег свечу в казино,
Он требует новый банк, а дождь барабанит в окно.
Attendez-vous, s'il vous plaît, – кивает дилер в ответ,

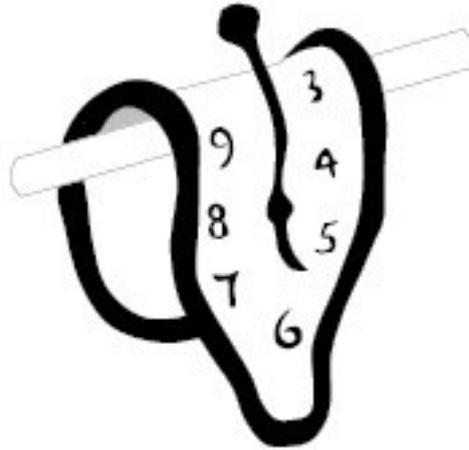
Журавли в облаках шлют прощальный привет.
В этот тревожный час в бухте Черный Алмаз.
Портье слышит девичий смех.
Он смотрит по сторонам:
– Что солдат вытворяет там?
Солдат, схватив её руку, кричит:
– Вот кольцо, кучу баксов отдал,
Смеётся она: – Маловато, нахал!
Она мчит по ступеням, чтоб вещи собрать.
Старый кэб уже ждет у ворот.
Мимо комнаты грека идет.
На двери записка: «Прошу не мешать!»
Но она постучалась. Что там?
Звуки музыки, солнце исчезло с глаз.
В этот кромешный час
В бухте Черный Алмаз.
– Откройте! Мне нужно Вам что-то сказать!
Но грек процедил: – Мне до вас дела нет!
И ногой оттолкнул табурет.
Он на люстре повис,
А она закричала: – Скорей!
Дверь откройте! На помощь! Эй!
Извержение вулкана. И, двигаясь все быстрее,
Лава сползает с гор, всё вокруг превращая в сор...
Солдат с коротышкой говорят о запретной любви в углу,
сидя на корточках на полу.
Заверяет портье: – Так бывало не раз
В бухте Черный Алмаз.
Когда остров пошел на дно,
Неудачник сорвал таки банк в казино.
И диллер сказал: – Взять деньги вы можете, но
Вам придется их тратить в гробу.
Выступил пот у солдата на лбу.
В подвале взорвался титан, а она на балконе, вздыхая,
Слёзы смахивая со щек, молилась.
И незнакомец шептал: – Je vous aime beaucoup, дорогая!
А пожар разгорался сильнее и сильнее,
Дым и смог повалил из дверей, из щелей.
И в этот последний час
Всё накрыла волна, и скрылась из глаз
Бухта Черный Алмаз.
Я в квартире своей в LA.
Восемь вечера – час новостей:
Вроде землетрясение опять...
Они вечно нас любят пугать!
Ничего интересного, так.
Нашли только пестрый берет и какого-то грека башмак.
Я выключил телик и пиво достал из буфета.
Не подфартило опять кому-то и где-то.

Чего не узнаешь из новостей!
А я и бывать не стремился-то в ней,
Ни прежде, и ни сейчас,
В этой бухте Черный Алмаз.

W.H. Auden

1907–1973

As I Walked Out One Evening

As I walked out one evening,
Walking down Bristol Street,
The crowds upon the pavement
Were fields of harvest wheat.

And down by the brimming river
I heard a lover sing
Under an arch of the railway:
“Love has no ending.

“I’ll love you, dear, I’ll love you
Till China and Africa meet,
And the river jumps over the mountain
And the salmon sing in the street,

“I’ll love you till the ocean
Is folded and hung up to dry
And the seven stars go squawking
Like geese about the sky.

“The years shall run like rabbits,
For in my arms I hold
The Flower of the Ages,

And the first love of the world.”

But all the clocks in the city
Began to whirr and chime:
“O let not Time deceive you,
You cannot conquer Time.

“In the burrows of the Nightmare
Where Justice naked is,
Time watches from the shadow
And coughs when you would kiss.

In the headaches and in worry
Vaguely life leaks away,
And Time will have his fancy
To-morrow or today.

Into many a green valley
Drifts the appalling snow;
Time breaks the threaded dances
And the diver’s brilliant bow.

The glacier knocks in the cupboard,
The desert sighs in the bed,
And the crack in the tea-cup opens
A lane to the land of the dead.

Where the beggars raffle the banknotes
And the Giant is enchanting to Jack,
And the Lily-white boy is a Roarer
And Jill goes down on her back.

O plunge your hands in water,
Plunge them in up to the wrist;
Stare, stare in the basin
And wonder what you’ve missed.

O look, look in the mirror,
O look in your distress;
Life remains a blessing
Although you cannot bless.

O stand, stand at the window
As the tears scald and start;
You shall love your crooked neighbor
With your crooked heart.”

It was late, late in the evening,
The lovers they were gone;

The clocks had ceased their chiming
And the deep river ran on.

Уи́стан Хью́ Оден

1907–1973

Англо-американский поэт, оказавший огромное влияние на литературу XX-го века. Родился и вырос в Великобритании. Став известным поэтом на родине, в 1939 году эмигрировал в США.

С американским периодом жизни Одена связаны наиболее значительные его работы. Многие стихотворения английского периода переделаны Оденем для американского издания избранных стихотворений. Он удостоен Пулитцеровской и Боллингеновской премий.

Иосиф Бродский писал о нём: «В английском языке нет ничего лучшего, чем поэзия этого человека». «Оден уникален... Одно из самых существенных явлений в мировой словесности».

Я однажды бродил под вечер

Шёл по Бристоль Стрит я под вечер,
Долго-долго бродил по ней,
Колыхалась волна прохожих,
Как пшеница золотых полей,

Извивались дугою рельсы,
Удаляясь от берегов.
Пел влюблённый, летела песня:
«Будет вечной моя любовь».

И я буду любить покуда
Реки с гор не стекутся вниз,
Запоёт лосось среди улиц,
И вольётся Китай в Тунис.

Океанская гладь свернётся,
Превратившись в холмы песков,
И семь звезд загогочут в небе
Серой стайкою гусаков.

Будут годы бежать, как зайцы,
Но в руке моей вновь и вновь
Самым ярким цветком столетий
Будет вечно пылать любовь».

Только тут все часы на башнях
Стали громко звенеть и бить:
«О, не даст обмануться Время,
Не тебе его победить!»

В серых норах Ночных Кошмаров,

Где у Правды нагой свой грот,
Время замерло – затаилось.
Поцелуешь ты – кашлянёт.

Головная боль да заботы,
Истощающий суток спор...
Будет Время плясать беспечно,
Когда вынесет приговор.

Страшный снег закружит, повалит
На зеленый цветастый луг,
Время рвёт ожерелье танца
И нырлящика смелый трюк.

Заведется ледник в буфете,
Станет голой пустыней кров,
Чашка треснувшая открывает
Поле белое мертвецов.

Нищий там теребит банкноты,
С горки катятся Джек и Джилл,
Словно лилия, бледный мальчик
Песнь горланит, что сам сложил.

О! наполни водою чашу,
Руки медленно опусти,
И подумай, пока не поздно,
Что забыл на своём пути?

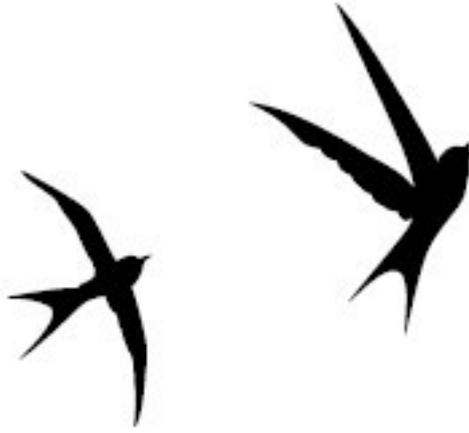
О! Вглядишься же скорее в воду,
Словно в зеркало маеты.
Неспособный к благословленью,
Жизнью благословлённый ты.

О! Постой у окна, слезами
Растопи рубежи судьбы.
И убогого, и кривого
Своим сердцем кривым люби».

Двух влюблённых окутал вечер,
Тени таяли вдалеке.
Смолкли, смолкли часы на башнях,
Утекала вода в реке.

Edgar Yip Harburg

1896–1981

Irreverent Heart

My heart is like the willow
That bends, but never breaks.
It sighs when summer jilts her,
It sings when April wakes.
So you, who come a-smiling
With summer in your eyes,
Think not that your beguiling
Will take me by surprise.
My heart's prepared for aching
The moment you take wing.
But not, my friend, for breaking
While there's another spring.
So share my summer pillow,
Don't spare my autumn aches;
My heart is like the willow
That bends, but never breaks.

Эдгар Йип Харбург

1896–1981

Эдгар Йип Харбург родился в семье эмигрантов из России в восточной части Манхэттена, учился в Нью-Йоркском университете. В школе он познакомился с Айрой Гершвином, братом знаменитого Джоржа Гершвина. Эта дружба сохранилась на всю жизнь. Йип и Айра постоянно писали стихи для газет, выпускаемых в колледже и школе. Затем, после окончания колледжа Йип надолго забросил писательскую деятельность, занявшись предпринимательством. Семь лет он работал в сфере изготовления бытовых приборов, пока в 1929 году не разразился биржевой кризис. И тогда он снова полностью посвятил себя поэзии. Его старый друг Айра Гершвин стал его помощником и промоутером. Слова, написанные Йипом Харбургом для бесчисленных хитов превратились в неотъемлемую часть культуры англоговорящего мира – однако, немногие знают, кто автор текстов песен из фильмов «Волшебник Страны Оз», «Радуги Финиана», «Это всего лишь бумажная луна» и «Парижский апрель».

На первом вечере «Поэзия и поэты» в культурном центре на 92-ой улице в Манхэттене в 1970 году (серия лекций, читаемых и по сей день), Йип объяснил: «Слова заставляют вас думать, а музыка – чувствовать. Слова дают вам цель и направление. Музыка дает вам крылья, а вместе они взлетают песней».

В 1965 году он выпустил сборник коротких стихотворений «Рифмы для непочтительных» и в 1976 году сборник «Рифмы по этому поводу». В 2006 году оба эти сборника были объединены в однотомник и переизданы в твёрдой обложке.

Непочтительное Сердце

Моё сердце, как ива тонко,
Только гнётся, но не ломается,
Запоёт весной птицей звонкой,
В летний день от измен помается.

Я сияньем твоим украшен,
А в глазах твоих солнце летнее.
Только знай – не обескуражен,
Хоть приятней нет и приметнее.

Сердце свыкнется даже с мукой,
Если в осень порхнёшь нежданно,
Но не сломишь его разлукой.
Вёсны новые предугаданы.

Летний кров подели с улыбкой,
А печалью пусть осень мается,
Моё сердце, как ива гибко,
Только гнётся, но не ломается.

Atheist

Poems are made by fools like me,
But only God can make a tree;

And only God who makes the tree
Also makes the fools like me.

But only fools like me, you see,
Can make a God, who makes a tree.

Атеист

Поэмы пишут дураки, как я,
А Бог создать сумел деревья у ручья.

А Бог, деревья сотворивший у ручья,
Таких вот создал дураков, как я.

Но только эти дураки, как я,
Создали Бога, чтоб творил деревья у ручья.

Courtship in Greenwich Village

Our days will be oh, so ecstatic,
Our nights will be oh, so exotic,
For I'm a neurotic erratic,
And you're an erratic erotic.

Ухаживание в Гринвич Виллидж

Наши дни будут так эксцентричны,
Ну а ночи? – О! Так экзотичны,
Ведь я неврастеничен с экзотикой.
Ну а ты... эксцентрична с эротикой.

Adverbs

WHERE and WHEN

Are lost in space.
THERE and THEN
Do not embrace.
So before we disappear
Come sweet NOW and kiss the HERE.

Наречия

ГДЕ и КОГДА
растаяли в пространстве.
ТАМ и ТОГДА
расстались в море странствий.
Зато, пока ещё не пробил час,
Приди скорее ЗДЕСЬ и поцелуй СЕЙЧАС.

Over the Rainbow

Somewhere over the rainbow
Way up high,
There's a land that I heard of
Once in a lullaby.

Somewhere over the rainbow
Skies are blue,
And the dreams that you dare to dream
Really do come true.

Someday I'll wish upon a star
And wake up where the clouds are far
Behind me.
Where troubles melt like lemon drops
Away above the chimney tops
That's where you'll find me.

Somewhere over the rainbow
Bluebirds fly.
Birds fly over the rainbow.
Why then, oh why can't I?

If happy little bluebirds fly
Beyond the rainbow
Why, oh why can't I?

Песенка «Над радугой» (Over the Rainbow) Гарольда Арлина и Эдгара Йипа Харбурга, спетая впервые Джуди Гарленд (мамой Лайзы Минелли) в фильме 1939 года «Волшебник из страны Оз», признана респондентами Американской звукозаписывающей ассоциации (RIAA) «лучшей песней XX века».

Над Радугой

Там, над радугой где-то,
В небесах
Есть страна, что с рассветом
Виделась в детских снах.

Там, над радугой светлой —
Синий дождь.
Что задумать посмел ты,
В этой стране найдёшь.

Однажды там на высоте
Я загадаю на звезде
Желание.
Где над трубой клубится даль,
И леденцом плывёт печаль,
Жду тебя на свидание.

Там, над радугой где-то
Птицам петь!
Птицы рады рассвету,
Мне бы, как им, лететь!

Robert Frost

1874–1963

Stopping by Woods on a Snowy Evening

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep.
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

Роберт Фрост

1874–1963

Фрост в своих балладах, элегиях, драматических и лирических монологах обращался к острейшим проблемам эпохи, стараясь добраться до глубоких причин социальных и психологических процессов, свидетелем которых он был и которые он воссоздавал в своей поэзии. Стих Фроста, кажущийся на первый взгляд чересчур прозаическим, представляет собой слегка видоизмененный белый стих (blank verse), традиционный для английской драматической поэзии, который Фрост очень искусно ”подгоняет” под естественные ритмы разговорной речи.

Остановка в лесу снежным вечером

Леса тут чьи? Мне, кажется, известно.
Изба его вдали у перелеска.
Хозяин и не знает, что я здесь
Стою один – и только снег и лес.

Лошадка встрепелулась, что за диво?
В недоуменье шевельнула гривой.
Снег, ветерок и озеро во льду,
И ночь, темнее всех ночей в году.

Быть может, тут какая-то ошибка?
Зачем мы здесь без крова, поздней ночью?
Ни звука. Ветерок качнул снежинку,
И на уздечке дрогнул колокольчик.

Как лес прекрасен, тёмн и глубок.
Но не окончен путь, мой путь далёк.
Всех обещаний не свершил сполна,
И сотни миль до сна, и сотни миль до сна.

Fire and Ice

Some say the world will end in fire,
Some say in ice.
From what I've tasted of desire
I hold with those who favor fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice.

Огонь и лёд

Одни твердят, что мир сгорит в огне.
Другие, что растопится во льдах.
Желанья жар давно известен мне,
Во мне огонь не вызывает страх.
Но если дважды миру суждено
Исчезнуть без следа,
Испивший ненависти горькое вино,
Скажу: наш мир пойдет на дно
Скорее ото льда.

The Aim was Song

Before man to blow to right
The wind once blew itself untaught,
And did its loudest day and night
In any rough place where it caught.

Man came to tell it what was wrong:
It hadn't found the place to blow;
It blew too hard – the aim was song.
And listen – how it ought to go!

He took a little in his mouth,
And held it long enough for north
To be converted into south,
And then by measure blew it forth.

By measure. It was word and note,
The wind the wind had meant to be —
A little through the lips and throat.
The aim was song – the wind could see.

Главное – песня...

Наш предок песен не слагал,
И только ветер, власть,
Был днём и ночью среди скал...
И песнь его лилась!

Но человек сказал: – Не так,
Не там, дружок, не пой!

Владей дыханьем, помни такт...
Займусь-ка я тобой.

Ты рот и губы округли,
Петь с севера изволь,
На юге слушай, как вдали
Звучат до, фа, ми, соль.

Что ж ветер? Шею, горло, грудь
И лёгкие искал...
А песню так легко спугнуть!
Стих ветер среди скал.

«Lovers, forget your love...»

Lovers, forget your love,
And list to the love of these,
She a window flower,
And he a winter breeze.

When the frosty window veil
Was melted down at noon,
And the caged yellow bird
Hung over her in tune,

He marked her through the pane,
He could not help but mark,
And only passed her by,
To come again at dark.

He was a winter wind,
Concerned with ice and snow,
Dead weeds and unmated birds,
And little of love could know.

But he sighed upon the sill,
He gave the sash a shake,
As witness all within
Who lay that night awake.

Perchance he half prevailed
To win her for the flight
From the fire lit looking-glass
And warm stove-window light.

But the flower leaned aside
And thought of naught to say,

And morning found the breeze
A hundred miles away.

«Сердечных дел урок...»

Сердечных дел урок
Вам преподам сейчас.
Про ветер и цветок
Послушайте рассказ...

Весенний день, капель...
Сползла со стёкол шаль,
И громко птичья трель
Неслась из клетки вдаль.

Спал ветер на сосне,
Но пенье будит страсть,
А роза на окне
Зарделась и зажглась.

И зимний ветерок
Чуть не умчался прочь,
Но к розе на порог
Вернулся в ту же ночь.

Что знал он? Мёртвый лес —
Замерзших птиц приют,
Не ведал ласк, а здесь
Печь, зеркало, уют.

Бил в окна, о любви
Молил... Я в эту ночь
Зов слышал, но увы!
Ничем не мог помочь.

У розы свой удел —
Её домашний рай.
И ветер улетел
В далёкий зимний край.

Sarah Teasdale

1884–1933

Fantasy

Her voice is like clear water
That drips upon a stone
In forests far and silent
Where Quiet plays alone.

Her thoughts are like the lotus
Abloom by sacred streams
Beneath the temple arches
Where Quiet sits and dreams.

Her kisses are the roses
That glow while dusk is deep
In Persian garden closes
Where Quiet falls asleep.

Сара Тисдейл

1884–1933

Родилась в США, в Сент-Луисе. С детства была слабой и болезненной.

Впервые издала книгу стихов в 1907 году.

В 1914 году Сара стала женой бизнесмена Эрнста Флизингера. В 1916 году супруги переезжают в Нью-Йорк. В Нью-Йорке Сара пережила развод с мужем и прожила одна 4 года.

В 1918 году стала лауреатом Пулитцеровской премии за сборник стихотворений «Песни любви». Сару всю жизнь преследовал страх получить инсульт: у нее перед глазами был парализованный брат, получивший удар и проведенный 20 лет в инвалидном кресле. Сара всегда имела при себе запас лекарств. Случилось так, что лопнул кровеносный сосуд на ее руке. И впечатлительная Сара решила, что это начало паралича. Ранним утром она легла в теплую ванну, перед этим выпив большое количество таблеток. Сиделка обнаружила поэтессу слишком поздно. Сделать ничего уже было нельзя. Поэтесса скончалась. В этом же году вышел в свет ее сборник “Strange Victory”, который готовила к печати сама Сара Тисдейл.

Фантазия

Её звучанье – плеск воды,
Что вдоль камней струится
В лесах, вдали от суеты,
Где Тишина резвится.

А мысли – лотос среди вод
Священного потока,
Где Тишина, присев, вздремнёт
У храма одиноко.

А поцелуй – охапка роз,
На склоне дня блеснувших
В садах персидских, среди рос
и Тишины уснувшей.

«I am not yours, not lost in you...»

I am not yours, not lost in you,
Not lost, although I long to be
Lost as a candle lit at noon,
Lost as a snowflake in the sea.

You love me, and I find you still
A spirit beautiful and bright,

Yet I am I, who long to be
Lost as a light is lost in light.

Oh plunge me deep in love-put out
My senses, leave me deaf and blind,
Swept by the tempest of your love,
A taper in a rushing wind.

«Я не твоя, не растворюсь...»

Я не твоя, не растворюсь
В твоей любви. Увы, не стану
Свечой, зажженной в свете дня,
Снежинкой в пене океана.

Ты любишь, в том сомненья нет.
Но я – лишь я. А мне б с тобою
Как звёздный свет уплыть в рассвет,
И сделаться глухой, немой...

Настигни ты меня в пути,
Как смерч, как ураган летящий.
Как бурный ветер подхвати
Огонь свечи – живой дрожащий.

Oh Day of Fire and Sun

Oh day of fire and sun,
Pure as a naked flame,
Blue sea, blue sky and dun
Sands where he spoke my name;
Laughter and hearts so high
That the spirit flew off free,
Lifting into the sky
Diving into the sea;
Oh day of fire and sun
Like a crystal burning,
Slow days go one by one,
But you have no returning.

День огненного светила

День огненного светила

Был чист, как нагое пламя,
Синь неба и волн слепила,
Плыл шёпот твой над песками.

Сердца, позабыв про тело,
Парили, на дно ныряли,
И эхо смеха летело.
Лучи на волнах пылали.

Разбился, как шар хрустальный,
Расплавился час заката.
Дни пасмурные печальны,
Проходят... и нет возврата.

The Tree of Song

I sang my songs for the rest,
For you I am still;
The tree of my song is bare
On its shining hill.

For you came like a lordly wind,
And the leaves were whirled
Far as forgotten things
Past the rim of the world.

The tree of my song stands bare
Against the blue —
I gave my songs to the rest,
Myself to you.

Древо Песен

Пела песни свои другим,
С тобою нема.
Стало древо песни нагим
На вершине холма.

Гордым ветром листву мою
Ты вскружил, далеко унёс.
У конца дорог, на краю
Листья брошены под откос.

Стало древо песни нагим.
В синем мареве тень ствола.

Песни я отдала другим,
Себя – тебе отдала.

I Shall Not Care

When I am dead and over me bright April
Shakes out her rain-drenched hair,
Though you should lean above me broken-hearted,
I shall not care.

I shall have peace, as leafy trees are peaceful
When rain bends down the bough,
And I shall be more silent and cold-hearted
Than you are now.

Мне будет всё равно

Когда умру, апрель сверкнёт на косогоре.
В кудрях листвы его зашелестят дожди...
Склонённый надо мной убитый горем, —
Сочувствия не жди.

Покойно будет мне, как деревцу на склоне.
Ни слова от меня, так ты молчал не раз.
Согнутся предо мной дожди в поклоне.
Я буду холодней, чем ты сейчас.

«There will come soft rains and the smell of the ground...»

There will come soft rains and the smell of the ground,
And swallows circling with their shimmering sound;
And frogs in the pool singing at night,
And wild plum trees in tremulous white;
Robins will wear their feathery fire,
Whistling their whims on a low fence-wire;
And not one will know of the war, not one
Will care at last when it is done.
Not one would mind, neither bird nor tree,
If mankind perished utterly;
And Spring herself when she woke at dawn
Would scarcely know that we were gone.

«И прольются дожди, и запахнет земля...»

И прольются дожди, и запахнет земля;
Будет ласточек трепет, в раздумье поля,
Хор лягушек зальётся в прозрачных прудах,
Белый снег диких слив заискрится в садах,
И малиновка, перьями ярко горя,
Пропоёт свою трель на плетне у ручья.
И никто и не вспомнит – была тут война.
И кому будет важно, была ли она?
Ни деревья, ни птицы, ни первый побег
Не узнают, что люди исчезли навек.
И проснётся Весна, встретив новый рассвет,
И едва ли узнает, что нас больше нет.

Eleanor Farjeon

1881–1965

Pegasus

From the blood of Medusa
Pegasus sprang.
His hoof of heaven
Like melody rang.

He could not be captured,
He could not be bought,
His running was rhythm,
His standing was thought;

With one eye on sorrow
And one eye on mirth,
He galloped in heaven
And gambolled on earth.

And only the poet
With wings to his brain
Can mount him and ride him
Without any rein,

The stallion of heaven,
The steed of the skies,
The horse of the singer
Who sings as he flies.

Элино́р Фа́рджион

1881–1965

Первая ее книга, сборник стихов «Детские песенки старого Лондона», вышла в 1916 г. Стихи известная сказочница писала всю жизнь. Некоторые критики считают, что в Англии детская поэзия XX века началась с имен Э. Фарджион и ее друга У. Де Ла Мэра. Во время Первой мировой войны Фарджион переселилась из Лондона в деревню. Она жила в крайнем коттедже по улице Грязи, копалась в огороде, топила печку, таскала вязанки хвороста. Жила так же, как и её соседи-крестьяне, с детьми которых она сразу подружилась, а об одной из своих деревенских подружек даже сочинила сказку: «Элси Пиддок прыгает во сне». Признанная, любимая и удостоенная наград писательница всегда оставалась очень простой и домашней. Невысокая, в очках, любящая стряпать, ухаживать за цветами, да к тому же умудрившаяся вырастить 127 котят – такой Фарджион была для современников. Когда на литературные заслуги писательницы обратил внимание королевский двор и Елизавета II пожаловала ей дворянство, она ответила: «Я не хочу ничем отличаться от простого молочника». Книги Элино́р Фа́рджион не стареют, они продолжают удивлять и восхищать читателей всего мира – наверное, это и есть главное чудо её сказочной жизни.

Пегас

В крови Медузы
Возник Пегас.
Владенье Музы —
Его Парнас.

Никем не пойман,
Стремится ввысь.
Бег – ритм стройный,
А отдых – мысль.

Знаком с печалью
И слышит смех
Небесных далей,
Земных утех.

Причем тут вожжи,
Уздечки нет.
Дать крылья может
Один Поэт.

Тот конь небесный
Летит, поет.
В полете песня —
Певца полет.

The Night Will Never Stay

The night will never stay,
The night will still go by...

Though with a million stars
You pin it to the sky

Though you bind it
with the blowing wind
And buckle it with the moon,
The night will slip away
Like sorrow or a tune.

Ночь не останется навсегда (свободный перевод)

Ночь навек себя не оставит,
Ночь придет, но потом растает...

Ты ветром звезды вобьешь, как гвозди,
Пускай темно.
Ты месяц тонкий пришьешь иголкой,
Но все равно —
Не остановишь; тропой печальной
Проходит ночь.
И, словно грусть иль мотив случайный,
Уходит прочь.

There Isn't Time

There isn't time, there isn't time
To do the things I want to do,
With all the mountain-tops to climb,
And all the woods to wander through,
And all the seas to sail upon,
And everywhere there is to go,
And all the people, every one
Who lives upon the earth, to know.
To know a few, and do a few,
And then sit down and make a rhyme
About the rest I want to do.

Нет времени

Нет времени – и точка, нет времени совсем.
Но только в этих строчках хочу признаться всем:
Нет времени взобраться на горные хребты,
Нет времени скитаться в лесу до темноты,
Днем солнечным весенним качаться на морях,
Знакомиться со всеми людьми в любых краях.
И делаю так мало и знаю лишь чуть-чуть,
Но рифм насобирала на самый дальний путь.
Сижу, пока сидится, и рифмами верчу,
А с ними совершится всё то, что захочу.

William Butler Yeats

1865–1939

The Host of the Air

O'Driscoll drove with a song
The wild duck and the drake
From the tall and the tufted reeds
Of the drear Hart Lake.

And he saw how the reeds grew dark
At the coming of night-tide,
And dreamed of the long dim hair
Of Bridget his bride.

He heard while he sang and dreamed
A piper piping away,
And never was piping so sad,
And never was piping so gay.

The dancers crowded about him
And many a sweet thing said,
And a young man brought him red wine
And a young girl white bread.

But Bridget drew him by the sleeve

Away from the merry bands,
To old men playing at cards
With a twinkling of ancient hands.

The bread and the wine had a doom,
For these were the host of the air;
He sat and played in a dream
Of her long dim hair.

He played with the merry old men
And thought not of evil chance,
Until one bore Bridget his bride
Away from the merry dance.

He bore her away in his arms,
The handsomest young man there,
And his neck and his breast and his arms
Were drowned in her long dim hair.

O'Driscoll scattered the cards
And out of his dream awoke:
Old men and young men and young girls
Were gone like a drifting smoke;

But he heard high up in the air
A piper piping away,
And never was piping so sad,
And never was piping so gay.

Вильям Батлер Йейтс

1865–1939

Первый ирландский англоязычный поэт, драматург, ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1923 году.

Йейтс родился в предместье Дублина. По материнской линии его предки были моряками, дед со стороны отца – священником. Мать – дочь купца, отец получил юридическое образование, но вскоре после рождения сына уехал с семьей в Лондон изучать живопись, к которой всегда тяготел. Здесь Йейтс продолжил свое образование сначала в обычной школе, потом в художественной и даже в художественном училище при Королевской Ирландской академии.

В 24 года Йейтс познакомился с красавицей актрисой Мод Гонн. Три раза он делал ей предложение и три раза получил отказ. Она стала его Музой, его большой, но безответной любовью на долгие годы.

Ранняя поэзия Йейтса очень разнообразна. Это и индийские любовные песни, и погружение в ирландский фольклор, кельтские легенды, баллады, лирические стихи. Его произведения были одобрены Оскаром Уайлдом. Критики писали, что Йейтс искал будущее в прошедшем.

В литературе Йейтс преуспел практически во всех жанрах. В его творчестве – повести, критические эссе, рассказы, пьесы, переложения ирландских мифов и легенд, автобиография, религиозно-философский трактат «Видение», который он считал лучшей своей книгой. При этом он был всегда очень взыскателен к себе.

Дух воздуха

Пел О’Дрисколл. Туман накрыл
Камыши вдоль озер, полей.
Дикий селезень с уткой плыл
По угрюмой воде Харт Лейк.

Стали темными камыши,
Скрылся дальний озерный плёс.
А он пел о своей Бриджит,
Блеске мягких её волос.

Так он ехал и пел о ней,
Звон волынки плыл над водой.
В мире не было веселей
И грустней мелодии той.

Вот он грезит: в кругу друзья,
И невеста среди друзей.
Вот он видит её глаза,
И нет глаз веселей и грустней.

Вот толпа окружила его,

И звучала вокруг хвала.
Подавал ему друг вино,
А подруга хлеб поднесла.

Но, отринув толпы азарт,
Увела Бриджит за рукав
В угол к старцам с колодой карт
В их костлявых худых руках.

Винный воздух в себе таил
Приговор той поры ночной.
Он подсел к старикам, забыл
Обо всем за игрой хмельной.

Про злой дух и не думал он,
С ним играл весельчак на вид.
И под свадебный перезвон
Кто-то в круг потянул Бриджит.

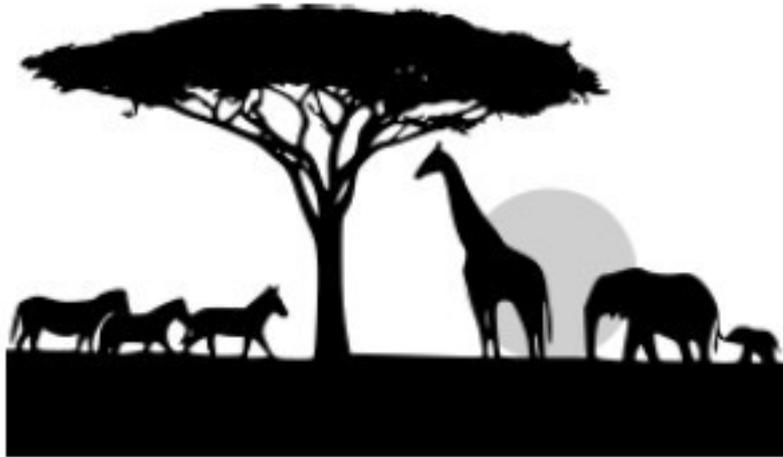
И красивейший из парней
С ней уплыл, как на парусах,
Грудь и плечи прильнули к ней
Руки спрятались в волосах.

Встал О'Дрисколл, колоду прочь...
Только вмиг испарился сон,
И исчезли, как дым, та ночь,
Парни, девушки, танцы, звон...

Ехал он вдоль озер, полей,
Плыл мотив над седой водой.
В мире не было веселей
И грустней мелодии той.

Rudyard Kipling

1865–1936

The Gipsy Trail

The white moth to the closing bine,
The bee to the opened clover,
And the gipsy blood to the gipsy blood
Ever the wide world over.
Ever the wide world over, lass,
Ever the trail held true,
Over the world and under the world,
And back at the last to you.
Out of the dark of the gorgio camp,
Out of the grime and the gray
(Morning waits at the end of the world),
Gipsy, come away!
The wild boar to the sun-dried swamp,
The red crane to her reed,
And the Romany lass to the Romany lad
By the tie of a roving breed.
The pied snake to the rifted rock,
The buck to the stony plain,
And the Romany lass to the Romany lad,
And both to the road again.
Both to the road again, again!
Out on a clean sea-track —
Follow the cross of the gipsy trail
Over the world and back!

Follow the Romany patteran
North where the blue bergs sail,
And the bows are gray with the frozen spray,
And the masts are shod with mail.
Follow the Romany patteran
Sheer to the Austral Light,
Where the besom of God is the wild South wind,
Sweeping the sea-floors white.
Follow the Romany patteran
West to the sinking sun,
Till the junk-sails lift through the horseless drift,
And the east and the west are one.
Follow the Romany patteran
East where the silence broods
By a purple wave on an opal beach
In the hush of the Mahim woods.
“The wild hawk to the wind-swept sky,
The deer to the wholesome world
And the heart of a man to the heart of a maid,
As it was in the days of old”.
The heart of a man to the heart of a maid —
Light of my tents, be fleet.
Morning waits at the end of the world,
And the world is all at our feet!

Редьярд Киплинг

1865–1936

У русскоязычных читателей имя Редьярд Киплинг ассоциируется со знаменитыми Маугли и Рики-Тики-Тави. Широко известный английский писатель, поэт и новеллист Редьярд Киплинг родился в Бомбее, в Британской Индии, в семье профессора местной школы искусств Джона Локвуда Киплинга и Алисы Макдональд. Имя Редьярд он получил, как полагают, в честь английского озера Редьярд, где познакомились его родители. Ранние годы, полные экзотических видов и звуков Индии, были очень счастливыми для будущего писателя. Но в возрасте 5 лет вместе со своей сестрой он отправляется на учёбу в Англию. В течение 6 лет он жил в частном пансионе, хозяйка которого (Мадам Роза) плохо обращалась с ним, наказывала. Такое отношение так сильно повлияло на него, что до конца жизни он страдал от бессонницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.